

мационной культуры педагогов на решение проблем киберсоциализации в современной образовательной деятельности обозначил проблемное поле, в рамках которого представляются перспективны-

ми направления изучения разнообразных возможностей и условий воздействия информационной культуры на процесс совершенствования эффективности профессиональной деятельности педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондаренко, С. В.* Информационная стратификация и сетевые сообщества / С. В. Бондаренко // Социальные процессы в современном российском обществе : сб. науч. трудов. — Ростов н/Д : Пегас, 2000. — С. 6—26.
2. *Брановский, Ю. С.* Информационные инновационные технологии в профессиональном образовании : учеб. пособие / Ю. С. Брановский, Т. Л. Шапошникова ; Кубан. гос. технол. ун-т. — Краснодар : Изд-во КГТУ, 2010. — 415 с.
3. *Волов, А. Г.* Философский анализ понятия «киберпространство» / А. Г. Волов // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2011. — № 2. — С. 49—54.
4. *Глик, Дж.* Информация. История. Теория. Поток / Дж. Глик. — М. : АСТ : Corpus, 2016. — 576 с.
5. *Карагозов, С. Д.* Информационно-образовательные системы как базовый компонент информатизации образования / С. Д. Карагозов // Российская школа и Интернет : материалы краевой научно-практической конференции. — Барнаул, 2005. — С. 45—62.
6. *Коган, В. З.* Человек: информация, потребность, деятельность : монография / В. З. Коган, В. А. Уханов. — Томск : Изд-во ТГУ, 1991. — 193 с.
7. *Мудрик, А. В.* Социализация человека / А. В. Мудрик. — М., 2007. — С. 247—248.
8. *Плешаков, В. А.* К вопросу об определении понятия «социализирующая среда» в социальной педагогике / В. А. Плешаков // Актуальные проблемы профессионально-педагогического образования : межвузовский сборник научных трудов / под ред. докт. пед. наук, проф. Е. А. Левановой. — Вып. 4. — Калининград : Балтийский институт экономики и финансов, 2000. — С. 107—109.
9. *Романов, О. В.* Смысл идеи виртуальности и понятие виртуальной реальности / О. В. Романов // Философия интернета (генезис и синтез фундаментальных идей) : монография. — Самара, 2008. — С. 38—42.
10. *Семенов, А. Л.* Информационные и коммуникационные технологии в общем образовании. Теория и практика / А. Л. Семенов. — М. : ИНТ РФ, 2006. — 327 с.

ЛОГИКА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕЧИ

И. В. ГЕРАСИМОВА,
кандидат филологических наук,
ученый секретарь НИРО
science-niro@mail.ru

Статья посвящена проблеме исследования культурных конфликтов применительно к характеру и способам их дискурсивного воплощения, выражения в речевых актах. Автором предложен подход к описанию концепции культурного конфликта, его общей методологии, а также к типологизации данного объекта.

The article is devoted to a problem of researching the cultural conflicts in relation to the character and ways of their realization in speech acts and in the discourse. The author has offered an approach to the description of the cultural conflict, his general methodology, and also to the typology of this object.

Ключевые слова: *культурный конфликт, постмодерн, постпостмодерн, речевая репрезентация, языковая прагматика, образовательное пространство*

Key words: *cultural conflict, postmodern, post-postmodern, speech representation, language pragmatics, educational space*

«**В**сякое понимание есть в то же время непонимание» — формула Вильгельма фон Гумбольдта, справедливая в описании разных уровней коммуникации человека: от частного межличностного до всеобщего культурного. Непонимание между людьми может быть нейтрализовано практикой пояснения, конкретизации и уточнения объема значения и смысла тех или иных высказываний. Непонимание в культуре нередко становится следствием непонимания самой этой культуры, особенностей той культурной ситуации, которая, с одной стороны, породила участников процесса коммуникации, а с другой — сопровождает, является фоном данного процесса. Областью формального проявления подобных когнитивных искажений, смысловых потерь становятся речевые акты. Их структурно-семантический (лексический и грамматический) и функционально-прагматический аспекты фиксируют системные различия в отборе способов и форм передачи значимой информации.

Непонимание между людьми может быть нейтрализовано практикой пояснения, конкретизации и уточнения объема значения и смысла тех или иных высказываний.

Проблема культурного конфликта, заявленная в теме данной статьи, несмотря на довольно серьезный интерес со стороны исследователей — представителей различных отраслей науки (психологии, философии, социологии, педагогики), в настоящее время изучена недостаточно. Причина этого кроется, во-первых, в отмечаемом рядом ученых отсутствии общепринятого определения

родового понятия «конфликт» [5]; во-вторых, в сложности выработки единой и методологически непротиворечивой типологии конфликта в силу многоаспектности данного понятия; наконец, в-третьих, в полисемантической родового понятия — *культура*, угол зрения на которую определяет, в конечном счете, общую концепцию культурного конфликта.

Социальная и психологическая природа конфликта подробно рассмотрена в классических трудах западных (Л. Козер, К. Томас, Р. Дарендорф, Г. Парсонс и др.) и отечественных (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский и др.) ученых. Современные исследователи активнее изучают межнациональный, межконфессиональный и межгрупповой аспекты конфликтологии (В. А. Авксентьев, М. Н. Губогло, Л. М. Дробужева, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Иванов, Э. А. Паин, В. Г. Смолянский, Е. А. Солдатова, В. А. Соснин, В. А. Тишков, П. Н. Шихирев и др.). Культурный конфликт анализируется в современном научном дискурсе и в разрезе феномена культуры как таковой (работы А. И. Арнольдова, С. А. Арутюнова, М. С. Кагана и др.), и в аспекте межкультурной коммуникации, поликультурности, поликультурализма (исследования Н. М. Лебедевой, А. П. Садохина, Т. Г. Стефаненко, Р. Х. Шакурова, С. Г. Тер-Минасовой и т. д.).

В первом случае исследуется само поле столкновения, предмет диалога культур: ценности и нормы, смыслы и установки, обычаи и традиции, картины мира — то, что М. С. Каган назвал «куль-

турными идентичностями», «разломы» между которыми усиливают конфронтацию [11]. Эти различия сущностны, фундаментальны, они провоцируют «реальные столкновения, жертвы, насилие»: «можно быть наполовину французом и наполовину арабом, но невозможно одновременно поклоняться и Иисусу Христу, и Аллаху» [11]. Во втором — объектом анализа становятся особенности процесса культурного взаимодействия и его субъекты. При этом сам термин «культурный конфликт» нередко заменяется эвфемизмом «диалог культур».

Концепция культурного конфликта выстраивается нами с учетом понимания культуры, представленного ранее в монографии «Культурные эффекты образования взрослых: на пути к человеку эпохи постпостмодерна», а также в ряде статей [6; 13]. В толковании культуры как некоего *стиля жизни*, включающего в себя и владение ценностной системой, и ее индивидуальное переживание и освоение, и соответствующую модель поведения, мы в определенном смысле идем вслед за Андреем Белым, который в работе «Символизм как миропонимание» отмечал: «В этом стиле она (культура. — Авт.) есть творчество самой жизни, но не бессознательное, а осознанное; культура определяется ростом человеческого самосознания, она есть рассказ о росте нашего Я; она индивидуальна и универсальна одновременно; культура всегда есть культура какого-то Я» [3]. *Культурный конфликт*, следовательно, рассматривается нами как *особая форма взаимодействия между людьми* (группами людей), основанная на различного рода столкновениях (частичное противоречие, полное неприятие, активное подавление и т. д.) тех ценностных систем, которые определяют стиль их жизни, способ мысле- и жизнедеятельности. Оставляя за рамками исследования статьи межкультурные — национальные, межэтнические — конфликты, мы видим определенную исследовательскую новизну в рассмотрении культур-

ных конфликтов, порожденных различием культурных кодов носителей одного языка, представителей одной национальной культуры. Речь идет об аксиологических противоречиях, связанных с различными темпом, глубиной постижения и характером отражения современным человеком *культурных ситуаций постмодерна и постпостмодерна*. В целом система художественно-этических отличий данных культурных ситуаций может быть описана в формате трех основных противопоставлений.

Во-первых, традиционные в культуре постмодерна *текстообразы* (основополагающий постмодернистский тезис «ничто не существует вне текста» (Ж. Деррида)) сменяются новыми маркерами художественной среды — *технообразами* (А. Коклен). Во-вторых, культурно значимая в постмодерне *чувствительность* превращается в *постпостмодернистский транссентиментализм* (постпостмодернизм — своего рода реанимация ушедшего в прошлое соцреализма с его краеугольной идеей культивирования традиционной духовной культуры, непреходящих ценностей, «светлого будущего»; концептуализацией счастья, успеха и красивой повседневности). Наконец, в-третьих, традиционное для культуры постмодернизма представление об *уникальности отдельной личности* в эстетике постпостмодернизма сменяется тезисом об *уникальности социумов различных типов*, в том числе — национальных, «сохраняющих в условиях глобализма свою культуру и идентичность, хотя и впитывающих неизбежные элементы глобальной культуры» [15].

Исходя из этого, культурный конфликт может представлять собой противоречие в способах мысле- и жизнедеятельности: а) представителей различных культурных ситуаций (постмодерна и постпостмодерна); б) людей, в различной степени освоивших одну и ту же культурную ситуацию

Культурный конфликт рассматривается нами как особая форма взаимодействия между людьми, основанная на различного рода столкновениях.

(постмодерна или постпостмодерна); в) человека и нового для него культурного содержания.

Проекция проблемы культурного конфликта на образовательную почву в корпусе современных исследований осуществляется по двум основным направлениям. С одной стороны, ученые активно занимаются проблемами кросс-культурного (Н. М. Лебедева и др.); мультиэтнического (Г. Н. Волков, Р. Люсиер, О. Д. Мукаева, Г. В. Палаткина, Я. Пей, М. Уолцер и др.), поликультурного образования (В. Н. Бадмаев, Г. Ш. Дорджиева, В. В. Макаев, Ш. А. Мирзоев, Е. В. Сартикова, Л. Л. Супрунова и др.) и поликультурного воспитания (Н. Х. Байчекуева, З. И. Борисенко, З. О. Кекеева, Н. С. Манджиева). С другой стороны, осуществляется поиск возможностей приложения идей современной конфликтологии (в том числе педагогической) к содержанию и технологии подготовки студентов в вузе (работы А. Я. Анцупова, Е. М. Бабосова, Н. В. Гришиной, О. Н. Громовой, Д. П. Зеркина, Н. В. Самсоновой, А. И. Шипилова, Б. И. Хасана и др.).

Проблема культурного конфликта, возникающего между обладателем образовательного знания (учитель) и его получателем (ученик), представляется недостаточно исследованной в настоящее время. Педагогическая конфликтология традиционно выделяет конфликты «деятельности» (учебная успеваемость ученика, выполнение им системы заданий), «поступков» (поведенческая культура ученика, подчинение его системе выработанных правил), «отношений» (характер взаимодействия учителя и ученика) [1].

Достижением педагогической науки последних лет стало теоретико-методологическое обоснование социально-психологических аспектов формирования и развития конструктивного и деструктив-

ного диалога педагога и ученика (диссертационные исследования В. В. Абраменковой, С. А. Барсуковой, А. И. Выражаемской, В. В. Горшковой, Н. Л. Гундыревой, Е. В. Коротаевой, С. П. Куваева, К. С. Хановой, А. С. Белкина, Ю. С. Бродского, Т. Д. Молодцовой, И. А. Невского, Т. И. Теплицыной и др.), не выходящего, однако, за рамки институционального взаимодействия.

Вместе с тем анализ истории разработки проблемы диагностики, профилактики и преодоления культурных конфликтов позволяет сделать вывод о том, что данная проблема не рассматривалась исследователями в русле противоречий не строго институционального (определяемого совокупностью норм и правил, выработанных системой образования) и шире — социального, а собственно культурного (вызванного разницей аксиологических парадигм и — шире — культурных кодов сторон данного конфликта) порядка.

Вслед за Р. Дарендорфом, автором классической в области конфликтологии работы «Элементы теории социального конфликта», необходимо признать данную разновидность столкновений участников образовательных отношений наиболее «опасной» [8]. Причины и сам предмет подобного конфликта нередко остаются не до конца осознанными и понятными для его субъектов, даже когда столкновение из «латентного» культурного (как источника) перерастает в непосредственный, открытый социальный конфликт (как следствие). Однако поляризация интересов в данном случае не только строго социальная, но и психолого-возрастная, мировоззренческая, этноконфессиональная. В отличие от социального конфликта, который, по мнению ученого, «стремится к явному выражению вовне» [8], культурный конфликт учителя и ученика не подвержен подобной тенденции; выявление и кристаллизация его сторон как «противоборствующих» группировок затруднены на фоне принадлежности субъектов конфликтной ситуации к единому

Достижением педагогической науки последних лет стало теоретико-методологическое обоснование социально-психологических аспектов формирования и развития конструктивного и деструктивного диалога педагога и ученика.

общекультурному и (в большинстве случаев) национальному культурному фонду. Выражаясь терминологией Р. Дарендорфа, субъекты культурного конфликта могут оставаться «квази-группами», а сам конфликт — «латентным», «пороговым».

Второй ключевой особенностью культурного конфликта является его интегрированность, «включенность» в социальные процессы. К примеру, недостаточный уровень психологической и технологической готовности современного педагога организовывать, регулировать и наполнять содержанием сетевой образовательный процесс, поддерживать в рамках обучения групповую идентификацию современных школьников, успешно практикуемую ими в социальных сетях, способен на практике обернуться классическим педагогическим конфликтом «действия» и выразиться в снижении учебных достижений. Вместе с тем «линейность» мышления педагога, стремящегося к индивидуализированной передаче целостного системного (готового, завершенного) знания «из рук в руки» «из уст в уста», вызвана именно его «кровной» принадлежностью к иной (по отношению к ученику) культурной ситуации. Таким образом, острота рассматриваемого конфликта объясняется глубокой привязанностью его сторон к системе ценностей данной квази-группы и, следовательно, сложностью выстраивания линии их «горизонтальной мобильности» как наиболее «мягкого» способа преодоления конфликта.

Методологическими основаниями рассмотрения культурного конфликта как столкновения аксиологических систем пост- и постпостмодерна в целом, а также их проекции на образовательное пространство в частности, на наш взгляд, могут послужить положения, выработанные в русле ряда общенаучных подходов.

Системный подход позволяет нам рассматривать культурный конфликт (в том числе образовательный) в единстве различных аспектов его реализации — *ценностно-смысловой* (конфликт ценностей

и способов оперирования ими), *лингвистический* (конфликт способов выражения культурно значимой информации), *социально-педагогический* (конфликт способов деятельности в образовательном дискурсе). При этом реализация всех трех аспектов культурного конфликта возможна на различных уровнях его индивидуально-личностного переживания: *ментальном* (конфликт связан с различным уровнем понимания того или иного культурного явления), *духовном* (конфликт обусловлен различным уровнем отношением к тому или иному культурному явлению) и *поведенческом* (конфликт связан с различным уровнем оперирования тем или иным культурным явлением в повседневной жизни).

С позиции *культурологического подхода* к культурному конфликту (М. С. Каган, А. И. Арнольдов, В. С. Библер, Б. С. Ерасов, А. С. Запесоцкий, Н. С. Злобин, И. Ф. Исаев, Е. В. Бондаревская, В. А. Разумный, Н. Б. Крылова и др.) мы рассматриваем его участников в качестве объектов культурных воздействий и одновременно как субъектов и творцов культуры. Здесь мы опираемся, с одной стороны, на *принцип культуросообразности образования*, теоретически обоснованный А. Дистервергом и нашедший отражение в работах Н. Е. Щурковой, Е. В. Бондаревской, М. И. Рожкова, Б. М. Бим-Бада, В. Г. Безрогова, Г. Б. Корнетова, М. В. Богуславского, З. И. Равкина, В. Г. Пряниковой и других ученых.

С другой стороны, образование представляет собой эффективный механизм *культуротворчества*. Данный принцип был проиллюстрирован А. Я. Данилюком в статье «Принцип культурогенеза в образовании» формулой «человек больше культуры». Суть его сводится к тому, что образование не только «вписывает» человека в пространство культурной традиции или господствующей культурной парадигмы, оно дает ему мощный потенци-

Ключевой особенностью культурного конфликта является его интегрированность, «включенность» в социальные процессы.

ал создания собственной культуры на границе взаимодействующих, сменяющих одна другую, стремительно зарождающихся и затухающих культур, точнее — культурных ситуаций [7].

Социокультурный подход (П. Сорокин, Н. И. Лапин, Е. А. Тюгашев, А. Бермус и др.) предполагает рассмотрение культурного конфликта в триаде «личность, общество, культура», выведенной П. Сорокиным в работе «Общество, культура и личность: их структуры и динамика», которая интегрированно фиксирует социальную и культурную стороны человеческой жизни [17]. Общество, по мнению ученого, представляется системой, основу которой составляют индивидуальные ценности, интересы, потребности, смыслы (*культурный контекст*), «оживающие» в процессе функционирования людей (*социальный контекст*). При этом социальное измерение жизнедеятельности личности задает система отношений, в которые он вступает с другими людьми, общественными группами, социальными системами [13].

Один из ключевых тезисов *цивилизационного подхода* заключен в признании обусловленности различных этапов развития человека стадийным характером развертывания культуры в целом. Американские ученые Д. Белл, О. Тоффлер, З. Бжезинский выделяют в общемировом цивилизационном процессе три основные стадии, каждая из которых характеризуется суммой специфических культурных и социально-экономических черт: доиндустриальную (аграрное общество), индустриальную и постиндустриальную (информационное общество). Исходя из этого, можно предположить наличие в истории культуры (как национально-специфической, так и всеобщей) циклов, которые, сменяя друг друга, вносят качественно иное состоя-

ние, некое системное изменение: классическая культура, культура модерна, постмодерна, оформляющегося постпостмодерна.

Данное системное изменение представляет собой, согласно аксиологическому подходу к исследованию культурного конфликта, преобразование системы ценностей, маркирующих конкретную эпоху, в пределах которой осуществляется взаимодействие учителя и ученика (В. П. Бездухов, Е. П. Белозерцев, И. Б. Котова, О. К. Позднякова, З. И. Равкин, В. П. Тугаринов, Е. Н. Шиянов и др.).

Перспективным направлением исследования культурных конфликтов является анализ различных способов их функционально-прагматической репрезентации, то есть представленности интересующего нас объекта на уровне формирования и выражения речевых высказываний. При этом, следуя общему антропологическому подходу к изучению явлений культуры (человек — субъект и объект культурного действия), полагаем, что может представлять интерес анализ степени участия объективных маркеров языковой системы (лексические и грамматические единицы и связи) и ее субъективных (функционально-прагматические элементы) маркеров в формировании языковой личности эпох пост- и постпостмодерна.

В уже упомянутой выше монографии «Культурные эффекты образования взрослых: на пути к человеку эпохи постпостмодерна» [6] нами был рассмотрен принцип реализации традиционной дихотомии «язык — речь» применительно к рассматриваемым культурным ситуациям. Данная дихотомия в наибольшей степени отражает ту систему изменений, которые происходят при смене одной культурной парадигмы на другую, поскольку маркирует непосредственно план выражения культурно значимой информации, того или иного культурного кода.

Культура постмодерна являет пример отказа от системно-структурного устрой-

Один из ключевых тезисов цивилизационного подхода заключен в признании обусловленности различных этапов развития человека стадийным характером развертывания культуры в целом.

ства мира, где есть объект (предмет или вещь реального — природного — мира) и субъект, его исследующий, описывающий и объясняющий (человек). Предлагая ризому в качестве модели нового мира, Ж. Делез и Ж. Гваттари символизировали ею множественность иерархически не связанных индивидуальных процессов, явлений и вещей [9]. В такой культурной системе языковая норма — объект не сохранения и воспроизведения, а известной постмодернистской игры, допускающей нарочитые искажения, аномальное употребление и т. д. Языковая аномалия становится в такой культуре своеобразной нормой [6]. Наиболее распространены маркерами речевой ситуации постмодерна, следовательно, можно назвать: преобладание узуса над нормой; смешение стилевых элементов на различных языковых уровнях; развитие контекстуальных значений и пресуппозитивного фона высказываний и т. д.

Иначе обстоит дело с культурой постпостмодерна. С одной стороны, сетевая форма организации культурного пространства обладает достаточной «силой, чтобы надломать и искоренить слово “быть”» [9] — то есть стать «ацентричной, нелинейной, деиерархизованной» [12]. С другой — ни одно взаимодействие невозможно без выработанных и узуально закрепленных форм коммуникации, определенных норм, своего метаязыка [6]. В этом отношении речевая ситуация постпостмодерна характеризуется нейтрализацией субъекта речи и связанных с ним в теории лингвистической прагматики элементов: явные и скрытые цели высказывания («иллокутивные силы», по Дж. Остину), речевая тактика и типы речевого поведения; установка говорящего, или прагматическое значение высказывания: косвенные смыслы высказывания, намеки, иносказание и т. д.; референция говорящего, то есть отнесение языковых выражений к предметам действительности, вытекающее из намерения говорящего; прагматические пресуппозиции: оценка говорящим общего фонда знаний,

конкретной информированности, интересов, мнений и взглядов, психологического состояния, особенностей характера и способности понимания адресата; отношение говорящего к тому, что он сообщает и т. д.

Вопросы, связанные с особенностями организации ситуации общения в современной образовательной среде, приобретают наибольшую актуальность в связи с тем, что субъекты и адресаты речи в данном случае обнаруживают не только возрастную и образовательную дистанцию, но и мировоззренческие (собственно культурные в нашем понимании) различия. Это приводит к разнице как в выстраивании самой тактики речевого поведения (следствие — непонимание явных и скрытых целей высказывания, прямых и косвенных смыслов, намеков, установок и т. д.), так и в организации прагматического пресуппозитивного фона (отсюда — неверная оценка адресатом речи сообщаемой информации, его истинности или ложности, важности или второстепенности и т. д.).

Итак, проблема культурных конфликтов в современном мире приобретает статус одновременно и острой, требующей глубокого осмысления и системного преодоления, и неизбежной. Мировоззренчески окрашенные культурные ситуации постмодерна и постпостмодерна, предлагающие (а в какой-то степени и навязывающие) определенный стиль жизни, «сталкиваясь», обеспечивают непрерывное развитие самой этой культуры. При этом наиболее восприимчивой к этому столкновению оказывается речь — ее структурно-семантическая и функционально-прагматическая организация. Вместе с тем проблема непонимания, заявленная нами в начале статьи, может быть рассмотрена и в духе А. А. Потебни, который в классической работе «Мысль и язык» определяет это непонимание как творческий процесс понимания по-своему.

Проблема культурных конфликтов в современном мире приобретает статус одновременно и острой, требующей глубокого осмысления и системного преодоления, и неизбежной.

ЛИТЕРАТУРА _____

1. *Анципов, А. Я.* Педагогическая конфликтология / А. Я. Анципов, А. И. Шипилов. — М., 2000.
2. *Бажанова, Л. М.* Особенности культурного конфликта в условиях глобализации / Л. М. Бажанова // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2009. — № 5. — С. 236—242.
3. *Белый, А.* Символизм как миропонимание / А. Белый ; сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. — М. : Республика, 1994.
4. *Беляев, И. А.* Социальное и духовное в человеческом существовании / И. А. Беляев // Духовность и государственность : сборник научных трудов. — Вып. 2. — Оренбург : Оренбургский филиал УрАГС, 2001. — С. 5—20.
5. *Георгиян, А. Ф.* Психолого-педагогические условия профилактики и конструктивного разрешения конфликтных ситуаций в системе отношений «учитель — ученик» : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. Ф. Георгиян. — Владикавказ, 2008.
6. *Герасимова, И. В.* Культурные эффекты образования взрослых: на пути к человеку эпохи постпостмодерна / И. В. Герасимова, С. А. Максимова. — Н. Новгород, 2016.
7. *Данилюк, А. Я.* Принцип культуругенеза в образовании / А. Я. Данилюк // Педагогика. — 2008. — № 10. — С. 3—8.
8. *Дарендорф, Р.* Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 142—147.
9. *Делез, Ж.* Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Париж : Минюи, 1976.
10. *Дистервег, А.* О природосообразности и культуросообразности в обучении / А. Дистервег // Дистервег А. Избр. пед. соч. — М. : АПН РСФСР, 1956. — С. 227—235.
11. *Каган, М. С.* Философия культуры : учеб. пособие / М. С. Каган. — СПб., 1996.
12. *Кутырев, В. А.* Философия постмодернизма : научно-образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей / В. А. Кутырев. — Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. — 95 с.
13. *Максимова, С. А.* Методология описания культурных эффектов образования как теоретическая проблема / С. А. Максимова, И. В. Герасимова // Сибирский педагогический журнал. — 2016. — № 1. — С. 7—14.
14. *Миронов, В. В.* Философия и метаморфозы культуры : монография / В. В. Миронов. — М., 2005. — 424 с.
15. *Митрошенков, О.* Что придет на смену постмодернизму? / О. Митрошенков // URL: <http://svom.info/entry/355-chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/>.
16. *Сепир, Э.* Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М. : Прогресс, 1993. — С. 259—265.
17. *Сорокин, П.* Общество, культура и личность: их структуры и динамика / П. Сорокин. — [Б. м.], 1947.